

сирийских царей, написанными в основном на вавилонском диалекте (лишь с некоторым налетом ассиризмов), то обнаруживается, что в первых (как и в среднеассирийских письмах) очень распространен перфект, а в последних он почти отсутствует. И объясняется это, вероятно, не тем, что в царских надписях действие констатируется, а в письмах о нем лишь утверждается (скорее наоборот!), а тем, что язык писем близок к живому разговорному языку, а язык царских надписей очень от него далек и преднамеренно архаизирован.

2. Проблема вопросительных предложений пуждается в дальнейшем исследовании, но что касается отрицательных, то уже в старовавилонский период перфект в них обычно не употребляется²⁶, таким образом, это очень древнее свойство перфекта, если не изначальное, причины которого следует искать уже в рамках древнейших диалектов²⁷.

3. Еще Л. Оппенгейм указывал, что в старовавилонском диалекте в придаточных относительных предложениях обычно не употребляется претерит с инфиксом *-l-*²⁸ (т. е. форма, которую теперь называют перфектом). И это очень естественно. При описании прошедших событий перфект обычно выражал действие, следующее за претеритом, даже в самостоятельном или главном предложении; действие же того относительного придаточного предложения, в котором может употребляться перфект или претерит, обычно предшествует действию главного. Что же касается событий, от-

носящихся к будущему, то при описании их перфект употребляется и в главных и в придаточных предложениях как в древний, так и в средний период («предбудущее время» по фон Зодену). Сфера функций перфекта и здесь ограничивается, но уже не претеритом, а презенсом. Таким образом, первоначальная причина неупотребления перфекта в большинстве относительных придаточных предложений заложена в исходном различии между видо-временными функциями перфекта и претерита. Отсюда следует, что перфект средней стадии аккадского языка — прямое продолжение перфекта предшествующих периодов, но только здесь начинают стираться функциональные различия между претеритом и перфектом в пределах утвердительного самостоятельного и главного предложения²⁹, с постепенным вытеснением здесь претерита перфектом. Именно благодаря вытеснению претерита в главных предложениях стало бросаться в глаза отсутствие перфекта в дополнительных придаточных предложениях — черта, которая, однако, была присуща перфекту с самого начала. Причины расширения сферы действия перфекта лежат, вероятнее всего, в рамках развития самой аккадской видо-временной системы, исторически менявшейся, как и весь язык в целом.

Что касается каких-либо объективных различий между перфектом и претеритом на средней стадии аккадского языка, помимо синтаксических, то анализ употребления этих глагольных форм в среднеассирийских законах и юридических документах не позволил его уловить. К такому же выводу пришел в конечном итоге и Ю. Аро, проанализировав язык среднеавилонских писем³⁰.

Г. Х. Каплан

²⁶ Goetze, ук. соч., стр. 313—316.

²⁷ [Быть может, следует обратить внимание на то обстоятельство, что в новошумерском префикс *imma-* (но не *ba-*) почти не употребляется с отрицанием. Так же и проспектив с префиксом *u-* не имеет в шумерском отрицательной формы. — И. Д.].

²⁸ L. Oppenheim, Die mittels *t*-Infixes gebildeten Aktionsarten des Altbabylonischen, WZKM, 42, 1935, стр. 19—21.

²⁹ К ним в аккадском формально относятся и условные предложения с союзом *šumma*.

³⁰ J. Aro, Studien zur mittelbabylonischen Grammatik, SO, XX, 1953, стр. 86.

«History of Mankind, Cultural and Scientific Development». Vol. I. «Prehistory and the Beginnings of Civilisation», pt. II. «The Beginnings of Civilisation by Sir L. Woolley». L., 1963, стр. 359—854.

Издание, второй части I тома которого посвящена настоящая рецензия, в целом ставит своей целью проследить весь исторический путь создания человечеством его современной культуры — науки, техники и искусства. Как указывает автор предисловия ко всему изданию — глав-

ный директор ЮНЕСКО René Maheu, эта цель соответствует общей задаче ЮНЕСКО — укреплению и развитию международного культурного сотрудничества (т. I, стр. XII). René Maheu особенно подчеркивает, что настоящее издание принципиально отличается от

других всемирных историй тем, что выдвигает на первый план вопрос о прогрессе человеческого познания мира, оставляя в тени вопросы социально-экономической и политической истории. Разумеется, подчеркивание прогрессивного хода развития человечества выгодно отличает рецензируемое издание от многих всемирных историй, выходящих в наши дни на Западе, которые либо освещают историю человечества с неопенгленгерианских позиций, отрицающих вообще прогрессивный характер ее развития, либо возрождают в тех или иных вариациях гегелевскую идеалистическую концепцию прогресса как развития идеи. Однако от идеалистического понимания прогресса, идеалистического объяснения движущих сил исторического процесса не свободно и рецензируемое издание, концепция которого в конечном итоге отражает технократические утопии, имеющие хождение на Западе. Этот идеализм сказывается уже и в самой формулировке целей издания, в резком противопоставлении истории «знаний и культуры» — истории социально-экономической, однако поскольку авторы понимают слово «знания» (sciences) весьма широко, включая в него и то, что марксизм определяет как развитие производительных сил, авторы фактически нередко дают материалистическое объяснение ряду явлений, в чем несомненно нашло отражение влияние марксистских исторических идей. Так, весьма характерно, что автор не рассматриваемой нами первой части I тома, посвященной «Prehistory», J. Hawkes фактически придерживается марксистского тезиса «труд создал человека». Следует отметить еще и проскальзывающие в предисловии директора ЮНЕСКО антивоенные тенденции.

Во втором предисловии ко всему изданию президент Международной Комиссии по истории научного и культурного развития человечества при ЮНЕСКО проф. Пауло Е. де Берредо Карнейро (Бразилия) указывает, что задачей издания является не «изложение философии истории в свете экономических, интеллектуальных и моральных законов, которые могут определять (may govern) общественное развитие, но описание с универсальной точки зрения вклада каждого века, каждой области, каждого народа в научное и культурное восхождение (ascent) человечества» (стр. XVII).

В соответствии с общими принципами подготовки издания рукопись второй части I тома, написанная известным английским археологом Леонардом Вулли, была разослана консультантам, избранным либо национальными комитетами ЮНЕСКО, либо Международной комиссией под председательством проф. П. Е. де Берредо Карнейро. Затем присланные этими консультантами замечания были сообщены автору текста, который отча-

сти учел их при исправлении своей рукописи, а остальные использовал в примечаниях, либо излагая мнение своих критиков и приводя свои возражения (на которые в отдельных случаях консультанты в свою очередь сделали контрвозражения, также опубликованные в примечаниях), либо (реже) цитируя эти замечания в собственной формулировке консультантов. Приведение в порядок этих материалов Международная комиссия поручила своему специальному консультанту по этой части тома проф. египтологу Страсбургского университета Ж. Леклану, который и сам сделал ряд замечаний. В примечаниях использованы также замечания покойного проф. Р. Тэрнера (США), которому первоначально было поручено руководство работой по I тому.

В предисловии ко второй части тома автор египтолог Л. Вулли, который не был историком в собственном смысле слова и не обладал достаточно глубокими познаниями в области древневосточной филологии, сам указал на недостаточность своей эрудиции для осуществления поставленной перед ним задачи и, не претендуя на оригинальность исследований, высказал, однако, надежду, что труд его окажется достаточно доброкачественным с фактической стороны, поскольку он подвергся тщательной проверке таких крупнейших специалистов, как египтолог Алан Гардинер, ассириолог С. У. Гэдд, историк математики Б. Л. Ван Дер Верден, хеттолог О. Р. Гэрри, ассириолог В. Ф. Лееманс и некоторых других. Он отметил также, что ему принесли большую пользу «критика и советы» советских исследователей В. В. Струве и И. М. Дьяконова (стр. 361). Замечания В. В. Струве и И. М. Дьяконова были в свое время полностью опубликованы в журнале «Вестник истории мировой культуры» (1957, № 1, стр. 178—185 и 1958, № 4, стр. 122—142). В. В. Струве сформулировал здесь основные принципиальные возражения по тексту, представленному Вулли для обсуждения, а также сделал серьезные замечания фактического порядка, обосновав их ссылками на источники. Замечания И. М. Дьяконова также касались как теоретических, так и конкретных вопросов и, в частности, многочисленных фактических ошибок текста Вулли. Ряд замечаний Струве и Дьяконова были учтены автором при переработке текста; например, по указанию В. В. Струве Вулли использовал сравнительно недавно открытые законодательные памятники — законы Липит-Иштара и города Эшнуны, а также документы архива Мари. Более того, Вулли принял полностью конкретное, но имеющее принципиальный характер замечание Струве — указание на данные о высоком развитии рабства вооруженных в Египте Нового царства —

и даже вообще до некоторой степени признал справедливость возражений советских ученых по проблеме рабовладения (см. об этом ниже). Наряду с основными консультантами к работе над томом был привлечен еще ряд ученых разных стран, в том числе советские исследователи — Г. Ф. Ильин, А. А. Вайман, А. П. Юшкевич и Л. С. Васильев. Много замечаний сделали и сами руководители работы над этой частью тома — Р. Тэрнер и Ж. Леклап. Замечания консультантов и полемика между ними и Вулли, опубликованные в примечаниях редакции, представляют выдающийся интерес, так как дают читателю представление о современном состоянии изучения затрагиваемых проблем. Очень большое место в этих примечаниях занимают принципиальные и конкретные возражения советских специалистов, благодаря чему читатель получает возможность в сжатом виде ознакомиться с марксистским пониманием истории древнего Востока, а также убедиться в высоком профессиональном уровне советской науки.

В предисловии Л. Вулли указывает на тесную связь своей концепции истории древнего Востока с идеями знаменитого Гордона Чайлда, который до известной степени приближался к марксистским взглядам на исторический процесс и был смелым пропагандистом советской исторической литературы¹.

В соответствии с поставленной задачей — дать не историю отдельных обществ, а историю прогресса человечества в области науки и культуры, изложение в рецензируемой второй части тома делится на главы не по странам или периодам, но по проблемам — общественные отношения, экономика, искусство, законодательство и т. п. Внутри же этих глав материал расположен большей частью по странам Ближнего и Дальнего Востока, включая также Крит.

Глава «Бронзовый век» делится на два раздела, в первом из которых рассматриваются условия возникновения «цивилизации». Под словом «цивилизация» автор, следуя Г. Чайлду, понимает «урбанизированное общество», т. е. такое, в котором существует класс людей (new class of persons), исключительно занятых делами управления (professional rulers и officials), культа (clergy), ремеслом и торговлей, средства пропитания для которых доставляют другие люди, занятые исключительно добытием жизненных средств. Это понимание цивилизации, заимствованное Чайлдом, как он сам указывал, у Маркса и Энгельса, существенно отличается, однако, от своего источника — в противоположность Энгельсу, Чайлд и Вулли не подчерки-

вают, а всячески затушевывают тот факт, что все достижения древней цивилизации опирались на эксплуатацию человека человеком. В утверждении же Вулли, что для периода цивилизации было характерно появление специализации в занятиях (occupation became specialized, involving divisions of class — стр. 364), несомненно нашло отражение косвенное (через Чайлда) влияние выводов Маркса о роли, которую играло в формировании цивилизации общественное разделение труда. Однако идеалистическая основа эклектической схемы Вулли сказывается тотчас же, как только он пытается дать ответ (или скорее избежать ответа) на вопрос о движущих силах исторического прогресса. Как известно (см. ВМК, 1957, № 1, стр. 178—185 и 1958, № 4, стр. 122—142), именно по этому вопросу текст, представленный Вулли, подвергся справедливой критике со стороны советских ученых. Эти критические замечания в сжатом виде изложены в примечаниях от редакции тома, которая, однако, пытается изобразить дело таким образом, будто бы спор идет не по принципиальным, а только по конкретным вопросам. Так, замечание о том, что причину возникновения цивилизации нельзя искать в географических условиях, которые только способствовали ускорению или торможению развития, редакция сужает до вопроса о том, что для человека каменного века земледелие было возможно только в безлесной местности. Как спор о конкретном вопросе времени изменения климата в долине Нила изображается и дальнейшее развитие марксистского взгляда о невозможности видеть причину прогресса лишь в географических условиях. Однако наилучшие аргументы против своей точки зрения дает сам Вулли: не указывая сначала в генерализирующем параграфе никаких иных причин возникновения цивилизации, кроме того, что «природа внезапно обеспечила для этого благоприятные условия» (would seem that nature suddenly provided — стр. 364), в параграфе, посвященном Египту, Вулли сам, однако, указывает, что изменение климата, приведшее к возможности заселения долины Нила, произошло еще в конце палеолитического периода, а для того, чтобы объяснить возникновение цивилизации не тогда же, а спустя тысячелетия периода неолита и энеолита, Вулли уже приходится прибегать к поискам нового фактора. Теперь на сцену появляется второй излюбленный конек буржуазной историографии — проблема этногенеза. И здесь опять редакция тома изображает дело таким образом, будто бы Дьяконов не согласен с Вулли только в том, были ли египтяне «гибридным» народом или нет, когда на самом деле речь идет о том, что никакое смешение племен не может само по себе двинуть вперед раз-

¹ См. предисловие А. В. Арциховского к переводу работы Г. Чайлда «Прогресс и археология», М., 1949, стр. 5—8.

витие общества в любом отношении — всегда останется вопрос о том, что же было причиной возникновения того или иного достижения у тех племен, которые его «принесли с собой». К тому же весьма шатка и та фактическая аргументация, которую приводит Вулли. Конечно, то, что в образовании населения долины Нила в период раннего неолита должны были принять участие племена, жившие ранее к западу и югу от нее, не подлежит сомнению, но какое имеет это отношение к вопросу о возникновении цивилизации в конце следующего периода — энеолита? Что же касается постулируемых столь часто волн «вторжений» разных племен, в том числе и особенно семитов с востока, из Азии, то все эти гипотезы до сих пор еще никем не доказаны и не имеют большого числа сторонников среди серьезных исследователей, на что указывается и в примечаниях редакции тома (стр. 408, где приводятся возражения Ж. Леклана и американского профессора Дж. А. Уилсона).

Еще более категорично утверждает Вулли свою точку зрения на смешение племен как источник прогресса в параграфе, посвященном возникновению цивилизации в Шумере, прямо говоря, что иммигранты принесли с собой новые ремесла, в частности металлургию. В подразделах по странам — Египет, Месопотамия, хетты, арийцы, Египет и Сирия, Крит, Египет и хетты, народы Моря, Индия, Китай — дается беглый обзор их истории в рассматриваемое время.

Главная идея главы — цивилизация развивалась путем контактов между народами, не говоря уже о чрезвычайном преувеличении значения этих контактов в результате модернизации древней истории, доводится автором до абсурда: он пытается обнаружить влияние Шумера на Китай (!). Причина такой тенденции ясна. Отрицая единственное возможное объяснение причин прогресса имманентными законами социально-экономического развития, открытыми марксистской философией, автор вынужден искать эти причины во всяческих миграциях, синкретизмах; о тщетности таких попыток уже было сказано выше. «Доказательству» влияния Шумера на Китай посвящен целый подраздел, озаглавленный «Посредник». Видя сам, что никаких исторических данных для этого нет, автор пытается найти посредников между Ближним и Дальним Востоком: «Мы должны постулировать посредника (middlemen), пусть мы и знаем о нем очень мало или ничего» (стр. 401). Этим подразделом и заканчивается глава.

Специальное примечание (№ 38, стр. 405—407) посвящено автором аргументации своей поздней датировки Ригведы. Здесь же приводятся замечания консультанта Р. Ч. Маджумдара и первоначального редактора примечаний Р. Тэр-

нера, которые отстаивают противоположный взгляд. Это один из примеров того, с каким упорством Л. Вулли держался своих часто весьма и весьма произвольных гипотез или устарелых взглядов. Так, И. М. Дьяконов возражал против мнения Вулли, что Мари было чисто хурритским государством (стр. 408, прим. 12); что хетты заимствовали свою письменность прямо у шумеров — Дьяконов указывает на работы, в которых показано, что хетты и хурриты заимствовали клинопись у семитов Сирии и Северной Месопотамии (там же, прим. 13); редакция указывает, что поздняя традиция о происхождении финикийцев с побережья Красного моря отвергается большинством ученых (прим. 16, стр. 409), консультант Дж. Уилсон и Ж. Леклан то же самое говорят и о происхождении культа Исида из Библи (прим. 18).

Возражения Дьяконова и проф. Альфа Соммерфельта вызвало и утверждение Вулли о принадлежности касситов к индоевропейцам, базирующееся на устаревших данных (прим. 35). Г. Ф. Ильин указал, что утверждение Вулли о том, что местное население Мохенджодаро принадлежало к низшим классам, не может быть доказано источниками (прим. 43). Советские ученые, а также Национальные комитеты ЮНЕСКО Индии и Пакистана тщательно обращали внимание автора на современную литературу о происхождении арийцев в Индии (прим. 37, где приводятся и контрвозражения Вулли). Советские специалисты столь же тщательно указывали автору на невероятность шумерского влияния на Китай (прим. 48, стр. 413).

II глава рецензируемой части тома озаглавлена «Урбанизация общества». Вводный раздел посвящен характеристике процесса в целом и выяснению различий его в Египте и Месопотамии. Здесь автор, следуя Чайлду, подходит к вопросу с материалистических позиций. «Возрастающее богатство и неравномерный рост частной собственности, — писал Вулли, — привели к развитию технических знаний, ремесел и государственности..., прогресс является прямым следствием (outcome) развивающегося мастерства и техники».

Но в дальнейшем, при сравнительной характеристике процесса в Египте и Месопотамии выясняется, что автор забывает свой тезис о возникновении государственности в результате развития частной собственности, подменяя его попыткой объяснить возникновение «административной» исключительно потребностями организации искусственного орошения. Поэтому все различие между Египтом и Месопотамией он объясняет также только различием их приращивающих систем² (стр. 419).

² Советская историческая наука, вовсе не отрицая значительного влияния

Однако чрезвычайно любопытно, что в конце этого раздела Вулли, возвращаясь к этому же вопросу в ином контексте, связывает все-таки возникновение государства (system of government) с разделением общества на классы, но опять-таки видит эту связь в «регулировании функций» отдельных членов общества. При этом Вулли подчеркивает, что, с его точки зрения, развитие классов и государственности (such development) не обязательно ведет к росту городов (cities) и формированию «гражданского духа» (civic spirit). «В Египте разделение на классы было столь же резко выражено, как и в Месопотамии, но ход (способ — manner) и степень урбанизации обеих стран были резко различны». Это замечание находится как будто бы в противоречии с тем, что сказано Вулли выше относительно того, что в Египте социальные условия оставались для основной массы населения без изменений, но дело в том, что в понятие «класс» Вулли вкладывает совершенно иной, чем марксисты, смысл, видя причину возникновения «классов» только в развитии профессиональной специализации. Правда, скрыто полемизируя с марксистской точкой зрения и в то же время под ее влиянием в отношении постановки вопроса, Вулли говорит и о дифференциации между трудящимися классами (слово labouring он ставит в кавычки) и более или менее привилегированным «интеллектуальным (и это слово автор тоже ставит в кавычки) меньшинством». Возражения на это с марксистской точки зрения опубликованы в примечаниях (стр. 464).

Далее в главе дается конкретная характеристика развития городов в Шумере, Египте, Эламе, Северной Месопотамии, среди хурритов и аморитов, в Индии и Китае. На протяжении всего периода, которому посвящена рецензируемая часть тома, автор уделяет много внимания археологическим данным.

В примечаниях изложены возражения Дьяконова: 1) что *энси* до III династии Ура вовсе не были подчинены царям и что цари Ассирии, во всяком случае до Шамшиадада I, а возможно и до Ашшур-убаллита I, не имели неограниченной власти; 2) относительно древнейших го-

различия природных условий на ход развития исторического процесса в обеих странах, показала, однако, что дело было не только в различии условий орошения, но и в различиях природных ресурсов (о чем в других разделах говорит также и Вулли), а самое главное, что эти факторы влияли лишь на специфику развития, наиболее же общие закономерности сходны для всех стран, создавших цивилизацию в первые из недр первобытного строя.

родов Финикии, что они были сначала рыбацкими поселками, морская же торговля развилась лишь позднее. Дьяконов оспаривает также утверждение автора, что хеттские законы и законы Хаммурапи защищали интересы бедняков и рабов (стр. 512, прим. 11). Ж. Леклан справедливо оспаривает утверждение Вулли о полной застойности египетской цивилизации (прим. 19 на стр. 513). Специальное примечание сделал сам Вулли в связи с тем, что он говорит о государстве Чжоу как феодальном (стр. 464). Марксистскому пониманию термина Вулли противопоставляет определение феодализма, данное в труде Taswell-Langmead, English Constitutional History (5 изд., L., 1896), определение юридическое, согласно которому главные признаки феодализма состоят: 1) в личном отношении между сюзереном и вассалом, основанном на договоре о службе вассала и покровительстве сюзерена, и 2) в держании земли, верховная собственность на которую принадлежит сюзерену, на условии несения военной службы вассалом. Конечно, такое толкование термина феодализм для историка-марксиста неприемлемо, но интересно, что в работе Вулли фактически нет обычной для западной историографии идентификации древневосточных обществ с феодальными обществами Европы.

III глава посвящена социальной структуре (The Social Structure). Она начинается генерализирующим разделом «Специализация занятий и профессий», а разделы, посвященные отдельным странам, из которых здесь учтены только Египет, Месопотамия, древнееврейское общество и Хеттское царство, излагают классовую структуру, причем для древних евреев речь идет только о рабстве. Далее следуют разделы, посвященные армии и праву в целом, а затем большой раздел относительно судебной практики у древних евреев, в Египте, в Шумере и Вавилонии, в Хеттском царстве и итогам этого обзора. После этого в главе рассматривается международное право.

Большой интерес представляет приложение в конце главы специальное примечание автора (стр. 508—510). Здесь Вулли приводит текст общего замечания своих «русских комментаторов» относительно всего текста второй части тома, которое содержит изложение взглядов советских ученых на процесс исторического развития древнего мира, а затем высказывает свои соображения по этому поводу. На замечание советских ученых, что марксистский взгляд на исторический процесс противостоит представлению о человеческой истории как «калейдоскопической смене причудливых образов», Вулли возражает, что он последней точки зрения вовсе не придерживается, поскольку признает прогресс; разумеется, советские ученые в данном

случае говорили, конечно, не о неопенгленцах, отрицающих прогресс, с которыми Вулли действительно имеет мало общего, но лишь о том, что без признания и изучения закономерностей исторического процесса невозможно выяснить причины его поступательного хода, т. е. прогресса. Закономерностей же Вулли признавать не хочет, и в этом состоит его второе возражение; он считает, что «различные локальные особенности, зависящие от специфических условий времени и места» (Вулли цитирует здесь текст советских исследователей) исключают возможность общих закономерностей. Конкретизируя это свое возражение на материале вопроса о рабовладельческом характере древневосточных обществ, Вулли признает, что «в ранних городских обществах, можно сказать не без оснований, имела место эксплуатация человека человеком (of one individual by another)», но полагает, что «это явление случайное, а не закономерное» и что правящий класс нельзя считать эксплуататорским, так как-де работа по управлению также нужна для общества. Заметим, что такие положения опровергать нет необходимости — они противоречат общезвестным фактам, на которые указывал еще, например, Геродот в своем рассказе о постройке пирамид или авторы Библии. Да и в самом труде Вулли можно найти факты, опровергающие эти утверждения, как это отметили в своем замечании Струве и Дьяконов. Более того, несколькими строками ниже на этой же 509 странице Вулли пишет: «Что иногда в некоторых странах общество базировалось на системе рабства, установлено ясно (is made clear)». К этому надо добавить, что выше в разделе, посвященном Египту, Вулли замечает: «Факт, что ... в большинстве стран Среднего Востока институт рабства был необходимым условием развития цивилизации...». Так как же можно считать, что эксплуатация человека человеком была случайностью, если рабство было основой общества в ряде стран? И сам проф. Вулли заключает свои возражения многозначительными словами: «я намеренно (purposely) избегаю употреблять термин „рабовладельческое общество“, так как я хочу избежать ассоциаций (implications) этого термина, но детальное обсуждение (discussion), возможно, убедило бы меня; пока же я писал объективно, а не для поддержания какой-либо теории». Вслед за этим помещено контрвозражение советских консультантов, сделанное после того, как они ознакомились с этим примечанием Вулли, опровергающее доводы Вулли относительно функций государства.

Несмотря на то, что Вулли опять говорит в этой главе о возникновении классов в результате профессиональной спе-

циализации, он признает здесь также деление на низшие и высшие классы (стр. 467—468). Однако в Египте вплоть до Среднего царства он находит только два класса: правящих и управляемых. Классовая структура Египта в период Древнего царства изучена еще недостаточно; советские ученые в этом отношении пока сделали значительно меньше, чем по другим странам и периодам древней истории Ближнего Востока, однако, во-первых, совершенно бесспорно, что в Древнем царстве практиковались купля-продажа земли и домов, не говоря уже о движимости, а также ростовщичество; это, конечно, доказывает, что богатства господствующего класса имели своим источником не только службу в государственном аппарате. Во-вторых, имеются хоть и немногочисленные, но вполне определенные данные о купле-продаже рабов и, в-третьих, о мелких землевладельцах, которые могли продавать свою землю³. Так что с точки зрения марксистского определения понятия «класс» в Древнем царстве безусловно существовало больше, чем только два класса (стр. 468). Но даже если поинтересоваться вместе с Вулли под классом только профессиональное деление, то и тогда классов окажется более двух, например, хорошо известно, что в Древнем царстве были профессиональные каменщики, строившие гробницы за плату⁴, а Ю. Я. Перепелкин (ук. соч.) доказал наличие профессиональных ремесленников, работавших на рынок. О Среднем царстве автор вообще не говорит, а для Нового утверждает, что вся земля страны стала личной собственностью фараона, — что, конечно, вовсе никак не доказано. Автор отмечает еще появление нового класса профессиональных воинов, однако, судя по исследованию О. Д. Берлева, о результатах которого он читал доклад на Первой конференции историков древнего Востока в Ленинграде, профессиональные воины появились еще в период Среднего царства (если не раньше); то же самое, возможно, надо сказать и о выделении класса жрецов, что Вулли тоже относит только к Новому царству. Знаменательно, что для периода Нового царства Вул-

³ См. Ю. Я. Перепелкин, Меновые отношения..., СВ, VI, 1949, стр. 302—303; Т. Н. Савельева, Аграрный строй Египта в период Древнего царства, М., 1962, стр. 145; о покупке рабов (isw) см. H. Junker, Giza, III, Wien, 1938, стр. 179—180; A. M. Bakir, Slavery in Pharaonic Egypt, Le Caire, 1952, стр. 14.

⁴ См. ряд текстов в Urk. I, а также W. Helck, Bemerkungen zum privaten Grabbesitz im Alten Reich, MDAIK, 14, 1956, стр. 13—75.

ли признает существование класса рабов (стр. 469) ⁵. Появление «средних классов» Вулли также относит только ко времени XVIII династии, что безусловно неверно. Ссылка Вулли на данные раскопок Кахуна ровно ничто не доказывает, так как это был специфический город работников некрополя, да к тому же в таких вопросах данные письменных источников, конечно, убедительнее, чем археологических. Вулли находит также в Новом царстве на царских и храмовых землях крепостных (*serfs*), но положение лиц, работавших на этих землях, настолько плохо изучено, что спорить о нем пока просто невозможно, следует только указать, что безусловно среди них были люди, которые могли владеть рабами ⁶. Отдельный параграф посвящает Вулли рабам из военнопленных (о других категориях рабов, которых, например, находит специально исследовавший эту проблему египетский ученый Бакир, Вулли совсем не упоминает), признавая, что они использовались с **о т н я м и т ы с я ч** как земледельцы в храмовых хозяйствах, в царском строительстве и раздавались фараоном чиновникам и военным. Однако Вулли считает, что это развитие рабства было только эпизодом времени военных успехов Египта («эпизод», таким образом, занял несколько веков!) не подкрепляя, впрочем, свое положение какими-либо аргументами.

Переходя далее к вопросу о рабстве в Месопотамии, Анатолии и у древних евреев (стр. 473—476), Вулли подчеркивает, что Египет составлял исключение (в силу географических особенностей) и что в других странах древнего Ближнего Востока система рабства была высоко развитой (*a large-scale development of the slave system*). Вулли подробно останавливается на рабстве у хеттов, подчеркивая, что раба можно было убить и продать наравне со скотом, но что в то же время он мог иметь собственность, мог жениться даже на свободной, мог выступать в суде и получать компози-

цию в свою пользу (а не в пользу хозяина). Против последнего возразил И. М. Дьяконов (стр. 510), указывая, что в § 11 и 12 Хеттских законов размер компенсации за раба выше, чем за свободного, и что это нельзя истолковать иначе, как то, что композиция идет в пользу хозяина раба. Он также возражает против того, что закон охранял «гражданские» права рабов. Дискуссии на эту тему между автором и Дьяконовым посвящена целая страница примечаний (стр. 511), содержащая детальный спор об истолковании указанных параграфов Хеттских законов.

Далее Вулли говорит, что и шумерское, и вавилонское законодательство признает институт рабства, трактуя раба как вещь, но, с другой стороны, охраняет известные права рабов (здесь хозяин не имеет права убить раба, раб может жениться на свободной). Вулли рассматривает такое положение рабов как аномалию, но надо сказать, что и по аттическим законам хозяин не мог убить раба. Вулли указывает также на источники рабства в Месопотамии — захват на войне, ввоз извне, обращение в рабство свободных за долги. Но констатируя в общем все то, что указывается и советскими исследователями, Вулли замечает, что положение рабов, по его мнению, не было «таким несчастным, как заставляет подозревать законодательство», не приводя, однако, никаких аргументов. В древнееврейском законодательстве Вулли находит «дальнейшее» смягчение системы рабства (*go farther in its humanitarian modifications of the system*), хотя на самом деле речь идет, очевидно, напротив, о патриархальных отношениях, восходящих по форме к глубокой древности. Переходя к вопросу о классовой структуре Месопотамии (стр. 476—479), Вулли отмечает, что законы Хаммурапи знают «благородного» (*the gentleman*), бедняка и раба, а кроме того, еще другое, юридическое деление на «благородных» и *muškēnu*; последних Вулли считает потомками покоренного населения. Обращает на себя внимание, что Вулли подчеркивает различие между *amēlu* и *muškēnu* как различие между свободным и полусвободным, а не между богатым и бедным (стр. 478), признавая, что *amēlu* «человек» первоначально обозначало всех свободных, а затем стало обозначением только благородных. Против этого возразил Дьяконов, считающий, что термин *avilum* и его более поздний вариант *amēlu* обозначали всякого свободного, обладающего гражданским полноправием (стр. 511).

В этом же разделе (стр. 479—480) автор отмечает, что кадастровые тексты из Алаха и письма из Мари показывают, что у хурритов, помимо рабов, были еще следующие классовые подразделения: самым многочисленным был

⁵ В прим. 5 редакция указывает на публикацию американского египтолога Хейса, в которой содержатся сведения о частном рабовладении (?) в Среднем царстве, причем в крупных размерах (до 80 голов). См. об этих документах также И. М. Л у р ь е, Новые данные о свободных земледельцах и рабах в Египте Среднего царства, ВДИ, 1957, № 1, стр. 144—150 и особенно в диссертации О. Д. Берлева, которая находится в печати.

⁶ См. М. А. К о р о с т о в ц е в, Декрет Сети I из Наури, ИА, 1939, № 2, стр. 238—287; Д. Г. Р е д е р, Рабы и поданные (семдет) египетских храмов..., «Уч. зап. ист. фак-та МОНИ», II, 1940, стр. 100—143.

слой *xunshu*, которых он считает «полу-свободными крепостными» (*serfs*) (на чем основывается такой перевод термина, остается читателю неизвестным); *xanixu* были средним классом, в который входили купцы, стражники, царские пастухи и конохи и др.; высшим классом были *марианну* «колесничие», — по мнению Вулли, — аристократия.

Давая обзор развития права (стр. 485—501), Вулли решительно выступает против утверждений о превосходстве одних рас над другими, в которых реакционная историография иногда ищет объяснения большей или меньшей гуманности законодательства. Однако попытка Вулли сравнивать различные древневосточные законодательства по степени их гуманности и объяснить это большей или меньшей демократичностью общества малоубедительна, так как, например, Хеттские законы, как сказано, трактуются автором произвольно и без серьезного филологического анализа. В разделе о международном праве (стр. 501—507) автор подчеркивает важность контактов между народами для дела прогресса и прослеживает зачатки дипломатической практики.

Наиболее обширная и интересная IV глава освещает вопросы развития техники и ремесел. Глава начинается с раздела о сельском хозяйстве (без подразделений по странам), далее идут написанные в такой же системе разделы об архитектуре (с подразделениями: кирпичные постройки, материалы и техника, к которым добавлены еще подразделы о кирпичном строительстве в Месопотамии), металлургии (с подразделом о технике обработки металлов). Затем следует описание ремесел по странам (Месопотамия, Египет) со специально выделенными подразделами: «Стекло», «Слоновая кость», «Обработка дерева», «Ткачество» (специальный подраздел посвящен обработке шерсти и вертикальному стану). Здесь автор собрал ценный материал по истории технологии. Заключительный раздел главы называется «The Factory». Как отмечается в прим. 36 (стр. 596), текст этого параграфа частично основан на замечаниях, присланных И. М. Дьяконовым, однако Вулли не учел его предложения назвать этот раздел «Ремесленная мастерская», а не «Фабрика», так как Вулли считает, что *factory* отличается от *workshop* тем, что в *factory* работает ряд людей, а не один ремесленник, как в *workshop* (стр. 596, прим. 35). Материал этого раздела неправомерно ограничен только шумерскими данными.

Глава V посвящена экономике (*The Economic Structure*). Весьма характерно для концепции автора, что эта глава начинается с раздела «Торговля» (с подразделами по странам — Египет, Месопотамия, Куль-тепе, Дильмун, т. е.

Бахрейнские о-ва). Конечно, нельзя согласиться с автором, что торговля так же стара, как человек, однако и сам Вулли отметил, что для развития торговли большое значение имело возникновение металлургии, совершенно справедливо подчеркивая таким образом значение общественного разделения труда.

Далее Вулли утверждает, что в Египте вся торговля была делом государства, а в Месопотамии — «капиталистов». На возражение советских ученых против термина «капиталистическая система» (стр. 629) Вулли отметил, что он употребляет термин не в марксистском смысле слова, и не возражает, если он при переводе будет заменен иным (там же), хотя и не видит в этом необходимости, поскольку-де, например, в старовавилонском обществе купцы не только торговали, но и использовали наемный труд. Но и помимо того, что автор не видел различия между простым товарным производством и капиталистическим товарным производством, его утверждение о различиях между Египтом и Месопотамией неверно с чисто фактической стороны — в Египте, как показано выше, была частная торговля уже в Древнем царстве, а в Месопотамии и вообще Передней Азии значительную роль в торговле, особенно международной, вплоть до I тыс. во всяком случае играли и тамкары (торговые агенты), состоявшие на государственной службе. Еще важнее, что ни там, ни тут ранее I тыс. не возникло чеканных денег; это неоспоримо доказывает очень низкий уровень товарного производства, хотя и нельзя не согласиться, что уровень его в Месопотамии в силу географических условий был несколько выше, чем в Египте; при этом, однако, надо еще делать скидку на различие между характером исторических источников этих двух стран — от Древнего царства Египта до нас дошло крайне малое число папирусов, но среди них один содержит купчую на дом, составленную по строгой юридической форме, поэтому следует полагать, что дело только в хрупкости папируса, а не в том, что таких документов было мало. Но Вулли и вообще ни слова не говорит в этой главе о внутреннем обмене в Египте, хотя об этом есть, во всяком случае для Среднего и Нового царства, достаточно данных. Между тем для Месопотамии рыночной торговле автор внимание уделяет.

Далее рассматривается вопрос о коммуникациях и транспорте (без подразделения по странам, но только для Ближнего Востока — стр. 615—623). В разделе же, озаглавленном «Производство и налоги» (стр. 623—629), который делится на два подраздела — Египет и Месопотамия, рассматривается вопрос о собственности на землю. Для Египта автор утверждает в категорической фор-

ме, что фараон всегда был верховным собственником всей земли, а начиная со Среднего царства и единственным ее фактическим собственником. Такое утверждение по меньшей мере только гипотеза, поскольку не существует ни одного специального и достаточно глубокого исследования по этому вопросу. Для Древнего царства Вулли находит еще частное владение землей у номархов, но выше уже говорилось о практике купли-продажи земли и другими представителями знати и мелкими землевладельцами (Мечен при IV династии, как известно, скупил участки у «многих *нисуту*», а по мнению ряда советских и зарубежных исследователей, термином «*нисуту*» обозначались мелкие свободные землевладельцы, хотя и не исключено, что они владели землей коллективно). Зато можно согласиться с предположением, хотя оно тоже еще далеко не доказано, что храмовые земли в Новом царстве продолжали оставаться частью собственности царя.

Утверждение автора, что экономика Египта в период Нового царства была «упрощена» до предела, так как вся земля была «национализирована», представляет собой результат крайне упрощенных представлений автора о тех данных, которыми располагает современная египтология. Публикации и исследования Гардинера, а также исследования советских ученых (Ю. Я. Перепелкина, И. М. Лурье, В. И. Евгеновой, М. А. Коростовцева, Д. Г. Редера), напротив, показали, что система землевладения в Египте этого времени была чрезвычайно сложна. И хотя проблема еще ждет своего специального исследования, во всяком случае уже установлено, что наряду с «царскими земледельцами», которые обрабатывали земли, принадлежавшие царю как фактическому, а не только верховному собственнику, и которые не имели своих средств производства (хотя и не были ни рабами, ни крепостными — см. Ю. Я. Перепелкин, «Всемирная история», т. I, стр. 335—337), были и мелкие землевладельцы, владевшие своими средствами производства и порой рабами. Доказательством того, что земля не была «национализирована», является тот факт, что до нас дошел ряд надписей о купле-продаже и дарении земель, в том числе надпись верховного жреца Амона Иуарота о покупке большого числа участков земли «за деньги (*ḥd*) от *немху* страны, удовлетворенных и не обложенных»⁷, причем в этом же документе говорится об отделении в кадастрах этих купленных земель от «земель Амона» (т. е. храмов Амона) и от «полей фараона», а также о закреплении купленных

земель за наследниками Иуарота, причем еще сообщается, что у тех же *немху* Иуарот купил рабов и скот. Не менее знаменателен и текст оракула, решившего дело о принадлежности колодца в оазисе Дахель, в котором говорится: «это вода *немху* (*mw nmlw*) и нет среди них вод фараона (*mw pr ʿ3*)» (там же, стр. 184). К сожалению, эти проблемы пока еще очень слабо изучены и в советской науке, тем не менее уже сейчас ясно, что утверждение Вулли является необоснованной гипотезой. Таким образом, сопоставление земельных отношений Египта с социалистической собственностью на землю, которое делает автор (стр. 625), — не только неуместная модернизация, но и основано на грубом искажении фактов: не будучи египтологом Вулли основывался на ложных реконструкциях некоторых западных египтологов, дающих произвольные переводы текстов в угоду своим идеалистическим, неошпенглеровским концепциям.

Переходя к земельным отношениям в Месопотамии (стр. 126—629), при характеристике которых он ограничивается Шумером и Вавилонией, Вулли останавливается прежде всего на храмово-царском хозяйстве Шумера, лишь вскользь оговариваясь, что наряду с ним существовала и общинная земля граждан (*communal property of the citizens*). Вулли полагает, что *энси* искини управлял храмовой землей, но в прим. 11 приводит возражение Дьяконова, который указывает, что в ранний период (Джемдет-Наср) храмовым хозяйством управляли старейшины, затем (период Фара) жрецы и только к концу правления Ур-Нанше эти функции перешли в руки *энси*⁸. В интерпретации надписей Урукagina Вулли следует переводу Дьяконова (см. прим. 12 на стр. 630); выводы его близки к точке зрения В. В. Струве, что реформы Урукagina были направлены против жречества.

Далее Вулли считает, что на протяжении всей истории Вавилонии имела место тенденция вытеснения частной или общинной собственности собственностью царя и храмов, ссылаясь на надписи Маништушу. Однако в целом, при совершенно недостаточной изученности вопроса, такой вывод представляется пока гипотетичным. Да и как отмечает сам автор далее, юридические документы II тыс. показывают, что земля в это время продавалась и покупалась чаще (*more freely*), нежели раньше, и что при каситской династии эта практика еще более расширилась. Относительно непосредственных производителей на царских и храмовых землях автор от решения воп-

⁷ См. И. М. Лурье, Очерки древнеегипетского права XVI—X веков до н. э., Л., 1960, стр. 173—176.

⁸ Ср. А. И. Тюменев, Государственное хозяйство древнего Шумера, М., 1956, стр. 48, 68—70, 91, 136.

роса отказывается, говоря «рабы или крепостные» (стр. 626).

Нельзя не отметить весьма пафное суждение Вулли об иммунитетах от налогов — он полагает, что большее их развитие в Месопотамии, нежели в Египте (еще надо доказать, что они там были!), указывает «на более прогрессивную государственную систему», забывая о том, что иммунитет означал только увеличение доходов знати и жречества и ничего более.

В противоречии со своим утверждением о случайности фактов эксплуатации автор здесь подчеркивает, что система общественных (государственных) работ была широко развита.

Первая часть главы VI, озаглавленная «Языки и системы письменности; образование», посвящена почти исключительно вопросам возникновения письменности в Шумере, Индии, Китае, Египте, Передней и Малой Азии, на Крите, Кипре и в Финикии. Излюбленная мысль автора в этом вопросе, видимо, заключается в том, что и Индия, и Китай (!), и Египет заимствовали свою письменность из Шумера, в котором, по мнению Вулли, придерживающегося отвергаемой ассириологами (см. прим. 6, сделанное Дьяконовым на стр. 664) слишком ранней датировки периодов Урука IV и Фара, письменность была изобретена гораздо раньше, чем в Египте. В прим. 12 (стр. 664), однако, указывается, что, по мнению советских и других специалистов, письменность возникла в Египте и Шумере одновременно, в последней четверти IV тыс. Поскольку гипотеза Вулли расходится с мнением многих специалистов, автор излагает ее весьма осторожно, как дискуссионную и даже в завуалированной форме. Категорично утверждает он лишь о заимствовании принципа письменности Египтом из Шумера (стр. 648). Однако, как известно, ни один серьезный египтолог такой точки зрения не придерживался, да и сам автор решительно ничем ее не аргументирует (если не считать предполагаемой им более ранней датировки изобретения письменности в Шумере). Утверждения же Вулли о принципиальном различии первоначальных целей употребления письменности в Шумере и Египте вызвали справедливое возражение Ж. Леклана (прим. 13 на стр. 664), который указывает, что и в Египте письменность служила прежде всего для нужд административного аппарата возникшего государства. Вызвали возражения редакции, которая ссылается на крупнейший авторитет Э. Лароша, и соображения Вулли о заимствовании иероглифической письменности Малой Азии из Египта (см. прим. 14 на стр. 664 сл.). Кроме того, И. М. Дьяконов сделал по этой главе замечание принципиального характера, указав, что появление пись-

менности было обусловлено определенным уровнем социально-экономического развития. На это Вулли и первый редактор тома проф. Р. Тэрнер возразили, что они признают связь возникновения письменности с появлением прибавочного продукта (economic surplus), но не признают прямой связи возникновения письменности с возникновением классов. На это Дьяконов, в свою очередь, возразил, что он вовсе не говорил о такой прямой связи, но считает, что классовое общество возникает тогда, когда появляется economic surplus; то, что я называю классовым обществом, говорит Дьяконов, Вулли называет «городской цивилизацией», а употребление письменности входит в определение «городская цивилизация» (стр. 665), как прямо признает Вулли не только в предисловии ко второй части тома, но и в самом начале VI главы (стр. 631). Мало того, Вулли признает и прямую связь возникновения письменности с появлением личной собственности (personal property), однако, как сказано выше, он не видит связи между развитием частной собственности и возникновением классов.

В разделе этой главы, рассматривающем вопросы образования, автор в сущности ограничивается только Месопотамией (лишь полстраницы отведено Египту).

Глава VII посвящена науке. За общими замечаниями следует раздел о математике (с подразделением на страны — Египет, Месопотамия, далее раздел о календаре (с подразделами по странам — Египет, Месопотамия, Китай), затем раздел, посвященный астрономии (без подразделения). Заключает главу очерк о медицине.

В разделе о математике Вулли опять-таки стремится показать безусловный приоритет Вавилонии по сравнению с Египтом. «Вавилоняне обладали научным знанием алгебры, геометрии и арифметики, египтяне же, напротив, не имели в математике научных знаний вообще» (стр. 668). На это советский ученый А. П. Юшкевич возразил, что первоначально математика в обеих странах была чисто эмпирической, а впоследствии теоретические достижения в алгебре были только у вавилонян. Однако и это мнение тоже является далеко не общепризнанным — В. В. Струве и С. Я. Лурье убедительно показали, что египетская математика не была чисто эмпирической. И вызывает удивление, что здесь в списке литературы не указано выполненное Струве комментированное издание Московского математического папируса, существенно изменившее представление об египетской математике, а ведь это издание, вышедшее на немецком языке (Berlin, 1930), было доступно автору. В тексте Вулли упоминает об этом папирусе (стр. 673), но считает, что един-

ственное, с его точки зрения, теоретическое достижение египтян в геометрии — задача на вычисление объема усеченной пирамиды — было заимствовано из Вавилонии. На это советский ученый А. А. Вайман справедливо возразил в примечаниях, что для такого утверждения нет решительно никаких данных, напротив, имеются доказательства того, что египтяне применяли свой собственный метод. Редакция тома также указывает, что мнение Вулли не согласно с мнением крупнейших специалистов (стр. 697, прим. 3). В разделе о календаре, говоря об Египте (стр. 682), Вулли использует устаревшую аргументацию, в частности, упоминание сотического периода в табличке I династии из Абидоса, убедительно опровергнутое французским египтологом Годроном, что прошло мимо внимания и редакции тома. Впрочем, редакция отметила, что утверждения Вулли об египетском календаре расходятся с новейшими исследованиями египтологов (стр. 697 сл., прим. 14). В прим. 6 (стр. 697) приводится также замечание Ваймана, указывающего, что от внимания Вулли ускользнуло открытие новых сведений о вавилонской геометрии. В примечаниях указано и еще на ряд отклонений Вулли от точек зрения и фактов, ставших известными в последнее время. Таким образом, надо, очевидно, признать, что эта глава совсем не удалась автору.

VIII глава посвящена религии. Изложение в этой главе носит преимущественно описательный характер, причем примечания от редакции в ряде случаев отмечают спорность освещения материала, даваемого автором, а также некоторые фактические несоответствия с современным уровнем знаний. В частности, в примечании указывается, что имеются данные о человеческих жертвоприношениях у хеттов, что отрицает Вулли (стр. 733). Основная мысль, которой руководствовался автор в этой главе, нигде не сформулировав ее в общем виде, проглядывает тем не менее в ряде мест. Она заключается в том, что он подходит к религии с точки зрения «гуманности» или «негуманности» той или иной религии (см., например, стр. 741). Этот идеалистический подход к вопросу, разумеется, ничего не дает для понимания хода развития идей. Но и здесь, как и во всем своем труде, Вулли электичен: наряду с этой идеалистической трактовкой вопроса он, например, признает, что пантеон богов был создан по образцу государства (стр. 704 и 705).

Часто автор стремится найти, что то или иное божество было заимствовано у другого народа; это, как правило, остается в лучшем случае только гипотезой, как и отмечается в примечаниях редакции (хотя и не всегда). Особенно ярко эта тенденция и вся ее необоснованность сказались в том, что Вулли видит шумерское

влияние даже в китайском погребальном ритуале (стр. 753 и прим. 47 на стр. 761).

И уж, конечно, Вулли не упустил возможности, как она ни ничтожна, опираясь на легенду о пребывании Авраама в Уре, попытаться вынести всю древнееврейскую религию из религии шумерского города Ура, тем более, что Ур, раскопками которого Вулли очень много занимался, вообще его любимый конек. Струве и Дьяконов, конечно, выдвинули возражения (прим. 37 и 40, стр. 760—761) против этого, указывая, что Вулли не отличает мифа от истории; на это Вулли ответил, что советская наука придерживается гиперкритической точки зрения, которая теперь уже отжила свое время, потому-де, что она была в моде во времена Маркса; к сожалению, редакция не сочла нужным привести текст замечаний Струве и Дьяконова, из которых видно (см. ВИМК), что советская наука вовсе не придерживается гиперкритической точки зрения, но что тем не менее миф о пребывании еврейского племени в Шумере не подтверждается никакими историческими источниками. Тут же, однако, Вулли сам признает, что Авраам не историческая личность, а что в его образе слились две или три исторических личности, ссылаясь на свою книжку об Аврааме, опубликованную в 1936 г. Редакция указывает, однако, что книга подверглась критике и точка зрения Вулли расходится с мнением ряда специалистов, перечень работ которых приводится.

Таким же образом подходит Вулли к рассказу Библии о Моисее. И здесь редакция упоминает о возражениях советских ученых, но не публикует их, а только приводит ответ на них Вулли, который утверждает, что для него Моисей лишь символ и что он вовсе не настаивает на историчности его как личности. Но дело даже не в этом и не в том, что Вулли отвергает выводы текстуальной гиперкритики, что в общем справедливо. Беда в том, что Вулли не хочет видеть необходимости критического подхода к Библии, как к любому иному историческому источнику, что он игнорирует современные достижения даже западных специалистов, на что указывается и в примечаниях редакции тома (см. прим. 37, 42—43), и формулирует свои в сущности дилетантские гипотезы в весьма категорической форме.

Глава IX посвящена изобразительному искусству Египта, Месопотамии, Хеттского царства, Индии, Китая и Крита.

Вулли исходит в своем изложении из мысли, что развитие искусства зависит исключительно от гения художника и лишь в незначительной степени отражает условия современного ему общества (см. в прим. 1 возражения И. М. Дьяконова). При таком подходе к вопросу данная глава, в сущности, не представляет инте-

реса с точки зрения задач рецензируемого издания.

X глава посвящена музыке и литературе. Литературу автор рассматривает не по странам, а по жанрам в целом для всего Востока (поскольку не всякий жанр представлен для каждой страны), причем обращает внимание главным образом на форму произведений. Автор считает, что литература в собственном смысле слова появляется и в Египте и в Месопотамии лишь во II тыс. Что касается Египта, то с этим нельзя согласиться: как показала советская исследовательница М. Э. Матье, Тексты пирамид, датируемые, самое позднее, серединой III тыс., содержат в себе подлинно поэтические тексты, да и автобиографические надписи Древнего царства, как показали Ю. П. Францев и западногерманский египтолог Г. Фехт, представляют собой, по крайней мере частично, поэтические произведения, причем Вулли игнорирует успехи современной науки, достигнутые в вокализации египетского языка, на чем базируются, в частности, доказательства Фехта. Совершенно ошибочно утверждение Вулли, что надписи гробниц содержат только «стереотипные формулы простейшего типа».

В целом раздел, посвященный литературе, не отвечает, с нашей точки зрения, задачам издания, так как автор не показывает, насколько отражает литература процесс познания мира, не говоря уже о том, что Вулли даже не пытается ответить на вопрос о причинах возникновения самой этой отрасли человеческой культуры, — одного из главных средств выражения общественной мысли, осознания человеком своего отношения к природе и обществу и идейного общения людей друг с другом. Удивительно даже, что автор, пытавшийся найти следы зарождения гуманизма в законодательных памятниках, в сфере, где идеология, особенно в древние времена, имеет несравненно меньшее значение, чем социально-экономическая необходимость, совершенно игнорирует проблему зарождения гуманных идей в литературе, которые, например, нашли яркое выражение в аккадской поэме о Гильгамеше, а также до некоторой степени в лирической и религиозно-мифологической литературе древнего Египта⁹. Очерк Вулли не дает также никакого представления об идейной борьбе, находившей свое выражение в литературе, и тем более о социальной ее обусловленности. Более того, автор игнорирует даже вопрос о роли литературы в развитии цивилизации, т. е. вопрос, который, судя по целям издания, должен был быть центральным в данной главе.

Заключительная XI глава тома озаглавлена «Границы цивилизации в бронзовом веке и условия цивилизованной жизни в конце XIII в. до н. э.». Здесь рассматривается вопрос о состоянии тех областей, которые выше не были освещены либо по недостатку источников, либо потому, что население их еще не достигло ступени «городской цивилизации».

Затем автор как будто бы переходит к подведению итогов. Понимает автор здесь свою задачу весьма своеобразно. Вместо того, чтобы действительно подытожить вклад человечества за весь рассмотренный период в прогресс науки и культуры, автор ограничивается лишь следующими вопросами. 1. Возникновение наций, о чем выше, в сущности, не говорилось (см. возражения Дьяконова, изложенные в прим. 4 и 5 (стр. 838)). 2. Развитие междугородных связей в форме мирных дипломатических и торговых сношений и возникновение зачатков международного права — с подчеркиванием этого достижения эпохи нельзя не согласиться. 3. Введение писаных законов; в оценке источников права с автором согласиться нельзя, на что указывают советские консультанты в прим. 8 (стр. 838). 4. «Институт рабства был традиционным, всеобщим (universal) и существенным для общественной жизни и прогресса» (стр. 832). Однако, по мнению автора, в законодательстве преваляровала все же тенденция смотреть на раба не только как на вещь, но и как на человека — в прим. 9 (стр. 839) приведено одно конкретное возражение по истолкованию законов Хаммурапи. 5. В рассуждениях автора об отношении свободных к государству вызывает возражение утверждение, что древний Восток не знал восстаний граждан против государственного режима. Вопрос требует еще исследования. 6. Зарождение идеи, что «государство действовало (was run) для пользы граждан» — в прим. 11 приведено изложение марксистской точки зрения. 7. Развитие частной собственности автор считает также достижением периода. С социально-экономической точки зрения развитие частной собственности, разумеется, было явлением прогрессивным, но с точки зрения Вулли, что это было моральным достижением, согласиться, конечно, нельзя. 8. Достижения в развитии техники и культуры, причем автор отмечает большое ускорение темпа прогресса в этом отношении в древнеисточный период по сравнению с предыдущим. По поводу успехов образования в прим. 13 помещены два прямо противоположных возражения: Дьяконова, который считает, что образование на древнем Востоке было привилегией имущих классов, и Тэрнера, который считает, что в Египте со Среднего царства оно было

⁹ См. М. Э. Матье, Искусство древнего Египта, М., 1962; она же, Мифы древнего Египта, Л., 1956.

Доступно и бедным. 9. Достижения в развитии искусства.

По заключительным фразам тома Ж. Леклан справедливо возражает против утверждения Вулли, что после II тыс. Египет уже не внес ничего нового в дело прогресса. Здесь сказалась, конечно, общая тенденция автора принизить роль Египта во всех отношениях.

В целом можно с большим удовлетворением отметить, что в труде Вулли ярко отразилось влияние советской марксистской историографии древнего Востока, рост ее авторитета и признание убедительности многих ее выводов непредвзятыми исследователями Запада, чему в данном случае в сильнейшей степени способствовало критическое участие советских ученых в работе над томом. Если Вулли и не согласился до конца с большинством принципиальных замечаний, то во всяком случае они нашли отражение в постановке проблем, многие из которых вообще раньше в буржуазной историографии совершенно игнорировались. К слову сказать, такое влияние советской историографии заметно даже в работах наиболее реакционных ученых, вроде египтолога В. Хелька, которые, не называя советских работ, тем не менее ставят проблемы, подсказанные советской историографией, и либо приходят к тем же, по существу, выводам, которые подсказывают им источники, либо ведут скрытую полемику с марксистской историографией. Однако наряду с указанными достоинствами работы, нельзя не отметить и того, что задачу, поставленную в предисловии ко всему изданию, автор второй части I тома не смог вполне удовлетворительно выполнить — эта задача, вообще чрезвычайно трудная для одного человека, оказалась непосильной для покойного археолога, здесь нужен был бы ученый, обладающий большими навыками анализа письменных памятников. Кроме того, автору текста в такого рода издании следовало бы больше считаться с современным со-

стоянием изучения источников, особенно в тех областях, где он не является специалистом, и во всяком случае формулировать свои гипотетические выводы менее категорично. Между тем Л. Вулли встречал в штыки почти любое замечание своих консультантов (тем более удивительно, что принял замечание В. В. Струве о рабовладении в Новом царстве Египта) даже в тех вопросах, в которых он не являлся специалистом. В результате получилось, что, например, рисуемая им картина истории Египта совершенно не отвечает ни данным источников, ни современному уровню их изучения, на что во многих случаях автору тщательно указывал и Ж. Леклан. С тем, что Египет был настолько отсталым по сравнению с Месопотамией, ни один серьезный египтолог в настоящее время согласиться не может.

Картина, рисуемая Вулли, основана, во-первых, на его тенденции выводить чуть ли не все достижения древнего Востока из Месопотамии, во-вторых, на его незнании с письменными египетскими источниками и, в-третьих, на его явно очень слабом знакомстве с современной литературой предмета. Особенно поразительна такая, например, ошибка Вулли, как отнесение рельефа из построек дороги, соединяющей нижний и верхний храмы пирамидного комплекса Унаса, к самой пирамиде, в которой, как известно, никаких рельефов нет (а в подписи под рисунком еще даже сказано «из гробницы Унаса»). Это особенно грубая ошибка для археолога. Подобных примеров можно было бы найти немало, но если учитывать и такие досадные мелочи, пришлось бы еще значительно увеличить объем рецензии. По этой же причине невозможно было осветить все те положения Вулли, которые могут вызвать возражения принципиального или фактического порядка, и пришлось ограничиться лишь далеко не полным обзором его труда.

Н. М. Постовская

W. CULICAN, *The Medes and Persians*, L., 1965, 260 стр.

Книга «Мидийцы и персы», опубликованная в известной серии «Ancient Peoples and Places» преподавателем семитологии в Мельбурнском университете (Австралия) Уильямом Каликаном, содержит ценный материал по древней иранской культуре и читается с неослабевающим интересом. Автор рассматривает луристанскую бронзу, искусство маннеев и скифов, а также памятники ахеменидского искусства и стремится выявить специфические качества иранской цивилизации.

Книга прекрасно оформлена и к ней приложены 128 превосходно изданных фотографий и прорисовок памятников материальной культуры, а также карты, хронологическая таблица первой половины I тыс. до н. э., генеалогическая таблица династии Ахеменидов и перечень работ по истории и культуре древнего Ирана.

Остановимся кратко на основных выводах книги.

Памятники луристанского искусства,

для которого характерна особая техника работы на металле, главным образом, на бронзе, поразительно отличаются по качеству от памятников других народов древнего Ближнего Востока. Самые ранние памятники этого искусства, которые относятся к III тыс. до н. э., по-видимому, были созданы гуттями и луллубеями. Памятники луристанской бронзы сыграли чрезвычайно большую роль в возникновении иранской традиции, и для мидийского и ахеменидского искусства, подобно луристанскому, характерен особый стиль изображения животных (стр. 29 сл.).

Ни одно великое произведение не может целиком восходить к своим истокам, и, хотя ахеменидское искусство являлось продолжением ассирийского, оригинальное воображение и новый замысел пронизывают искусство рельефов Персеполя и Суз, так как употребление колонны и апладаны дало ахеменидской архитектуре возможности нового подхода к созданию памятников искусства. Живой битве и охотничьим сценам ассирийского искусства Ахемениды предпочитали статическое и процессуальное, символическое и геральдическое изображение конфликта противоположных сил дуализма, добра против зла, света против тьмы, порядка против хаоса. Для ахеменидского искусства характерно виртуозное изображение изолированного предмета (металлических чаш и ваз, амфор, ритонов, предметов ювелирного искусства, высеченных из камня кубков, стеклянных вещей, лапидарной скульптуры и т. д.)

«Интернационализм» Ахеменидской державы отразился не только в законах и хрониках, в использовании арамейского языка как международного административного языка, но также в единстве стиля произведений искусства во всем государстве. Предметы ахеменидского искусства происходят, кроме территории самого Ирана, из Греции, Двуречья, Палестины, Сирии, Египта, Турции, Кавказа, Алтая, Сибири и Пакистана. Дворцы ахеменидского стиля найдены в Сидоне (Финикия) и в Сар-тепе в Азербайджанской ССР. На территории древней Даскилеи в Северо-Западной Анатолии сохранились ахеменидский рельеф и фриз смешанного греко-персидского стиля, изображающий женщину верхом на лошади. Важное свидетельство о производстве ахеменидских предметов в Египте содержится в стеновой росписи гробницы Петосириса, египетского чиновника времени Атраксеркса III.

В Персеполе, Мемфисе и в городах Вавилонии работали ремесленники из разных стран, и вывоз предметов ахеменидского искусства оказал глубокое влияние на скифское искусство, а также на ремесло во многих областях государства.

В начале V в. до н. э. существовал мидо-скифский стиль, к периферии которого относятся предметы ювелирного искусства из скифских курганов европейской территории юга СССР, представляющие северную ветвь мидийского искусства с синтезом урартских, каспийских и скифских мотивов.

Персидский быт в Малой Азии (наиболее важной, по мнению автора книги, сатрапии) подвергался всепоглощающему влиянию греков, лидийцев и фригийцев. Недавно раскопанное в Даскилее здание, которое, по всей вероятности, было резиденцией сатрапа Геллеспонтской Фригии, несмотря на большое количество найденных в нем ахеменидских глиняных булл, выстроено, как и соответствующее здание в Сардах, в чисто ионийском стиле.

«Эллинизм» вторгся не только в Малую Азию, где сатрапы все более и более принимали греческую одежду и образ жизни, а греческий язык наряду с местными лидийским и ликийским стал общепринятым, но Египет, Кипр и Финикия в первой половине IV в. до н. э. также заметно погрузились в сферу греческой мысли (стр. 122 сл.).

По сравнению с предшествующими им египетскими, ассирийскими и вавилонскими царями Ахемениды, считает автор, достигли замечательных успехов в организации государственного управления, которое было ответственным и справедливым, хотя и суровым. Покоренные страны управлялись, а не эксплуатировались, поэтому многие народы добровольно подчинились персам. Хорошие морские пути и сухопутные дороги, количество которых увеличилось при Ахеменидах, и расширенное использование монет облегчали торговые связи между разными частями государства и способствовали экономическому процветанию. Большое значение имела и стандартизация Дарием I стоимости драгоценных металлов в зависимости от степени их чистоты. Хотя использование персидских золотых дариков не было широко распространено и немногие из чеканок империи выпускались по стандарту персидского сикля, царская мера веса была везде признана.

Изданный Дарием I кодекс законов не был совершенно новым, но кодификацией вавилонских казуальных статей и правовых решений, относящихся к системе иранских законов (стр. 168 сл.).

Терпимость к чужим религиям автор считает одной из наиболее ярких черт *per se*. По-видимому, ахеменидские цари выполняли по отношению к западным иранцам ту же функцию, что и Зартуштра на востоке страны, но на разных социальных уровнях и без конфликта. По всей вероятности, ахеменидская религия и зороастризм характеризуются параллельным развитием от общего исто-